

«Историческое развитие лексики тюркских языков» (сборник статей). Академия наук СССР.

**Институт языкознания. Отв. редактор
Е. И. Убрятова. М., 1961, 468 стр.**

Сборник состоит из шести статей, которым предпослано краткое введение, где в сжатой форме излагается содержание и основные выводы каждой статьи, а также охарактеризованы задачи, стоявшие перед авторами, и общий для всех статей метод исследования. Сборник мог бы составить соответствующий том «Исследований по сравнительной грамматике тюркских языков», хотя авторы рассматривают его как один из этапов подготовительной работы по составлению этимологического словаря тюркских языков. В действительности он носит сравнительно-описательный, а не историко-этимологический характер.

Сборник представляет собой в основном результат предварительных наблюдений, сопровождаемых иногда углубленным и тонким анализом, но чаще — простым сопоставлением фактического материала. Впрочем, состоящие тюркской лексикологии в настоящий момент таково, что даже простая инвентаризация имела бы немаловажное значение. Сравнительный материал, сосредоточенный в статьях сборника, послужит, несомненно, его авторам основой для дальнейших исследований.

Статья Л. А. Покровской «Термины родства в тюркских языках» рассматривает эту лексико-семантическую группу с привлечением большого сравнительного материала. Автор отдельно исследует термины родства по крови и термины родства по браку, причем каждый отдельно взятый термин рассматривается во всех его фонетических разновидностях, представленных в разных тюркских языках, приводятся его значения в древних и современных языках, перечисляются производные формы от этого термина.

Одной из древнейших лексических групп посвящена статья А. М. Щербака «Названия домашних и диких животных в тюркских языках». Автор называет в качестве основной цели своего исследования «обстоятельное описание» этого раздела лексики. Не ограничиваясь этой задачей, А. М. Щербак на основании своих наблюдений делает ряд выводов о структуре исследуемой им лексической группы и происходящих в ней процессах развития. Кроме того, автор приводит этимологию каждого термина, уже существующую в тюркологической литературе или свою собственную. Статья построена с учетом потребностей будущего этимологического словаря и может служить материалом для него. Она завершается указателем, в который вошли все упомянутые в работе термины во всех фонетических вариантах.

Одной из малоисследованных групп тюркской лексики посвящена статья покойного Ф. Г. Исхакова «Наблюдения по лексике в области прилагательных в тюркских языках». Статья построена на материале прилагательных, передающих в тюркских языках значения: 1) 'бедный' (= 'неимущий'), 2) 'бедный' (= 'несчастный'), 3) 'высокий', 4) 'далекий' и 5) 'близкий'. Автор приводит сводные таблицы указанных прилагательных и соответствующие словарные статьи к ним, которые представляют собой, по существу, подробно разработанные семантические гнезда.

Э. Р. Тенишев в статье «Глаголы движения в тюркских языках» для удобства рассмотрения разбивает эти глаголы на две основные группы по семантическому признаку: 1) глаголы общего значения и 2) глаголы частного значения. Внутри этих групп автор исследует каждый отдельно взятый глагол с историко-фонетической и семантической стороны. Итоги наблюдений изложены в кратком заключении. Подчеркивая, что в подавляющем большинстве глаголов развитие значений идет от общего к частному и лишь иногда наблюдается обратный путь, автор усматривает в таком характере развития семантики названных глаголов причину появления омонимии, хотя достаточно убедительных доказательств этому не приводит.

А. А. Юлдашев в статье «Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках», наряду с общей характеристикой этой части тюркской лексики, подробно рассматривает указанные глаголы по двум группам. При выделении этих групп автор опирается не только на семантические признаки (глаголы, связанные с ощущениями физиологического порядка, а также передающие душевные состояния), но и на грамматические: так, одним из критериев выделения второй группы глаголов является их трактовка автором как морфологически целостных лексических единиц, хотя до сих пор было принято рассматривать их как словосочетания или описательные обороты.

Так, например, на стр. 308 автор утверждает, что сочетание *удуку кел-*, которое он переводит 'хочется спать', является «лексемой», которая «встречается в подавляющем большинстве тюркских языков и всюду является однозначной и очень устойчивой». На наш взгляд, вернее было бы здесь говорить об обороте, передающем желание совершить какое-либо действие, который состоит из формы с аффиксом *-гу/-ку* основного глагола + глагол *кел-*. Это самый обычный оборот для передачи идеи желания в тех тюркских языках, в которых нет глагола *исте-* 'желать, хотеть' или этот глагол малоупотребителен. В «лексеме» *удуку кел-* на место глагола *уду-* 'спать' может быть подставлен любой другой глагол: *пимь, есть, купить* и т. д. Сам автор подходит к этой же мысли в примеч. 29 к стр. 308, где говорит о конструкции типа башк. *барғы килә* 'хочется идти, ехать', однако, отказываясь от ее логического завершения, упорно трактует каждый из подобных оборотов как достояние лексики. Несомненно, эта точка зрения А. А. Юлдашева вызовет оживленный обмен мнений среди тюркологов.

Работа Н. З. Гаджиевой и А. А. Кокляновой «Глаголы речи в тюркских языках» представляет собой обширное и подробное описание этой группы глаголов, построенное на материале большинства современных тюркских языков, которое сопровождается исследованием этих глаголов преимущественно с семантической и в гораздо меньшей степени с историко-фонетической стороны. Авторы приходят к выводу, что группа глаголов речи в тюркских языках весьма многочисленна и что эти глаголы являются одной из основных лексических группировок в словарном составе тюркских языков. Единственным глаголом, имеющим общетюркское распространение, как показывает исследование, является глагол *де-*, остальные же глаголы распространены в языках тюркской семьи в разной степени.

К сожалению, некоторые статьи сборника изобилуют досадными фактическими неточностями, многие формулировки и замечания, главным образом этимологические, нельзя признать удачными. Вот несколько примеров. Л. А. Покровская пишет, что слово *kadin* в турецком языке «обозначает знатную госпожу» (59). Между тем в современном турецком языке это слово лишено какой-либо социальной окраски и обозначает любую женщину независимо от ее знатности или имущественного положения. Неясно, почему автор приводит слово *kadin* в качестве примера «нарушения гармонии согласных по звонкости и глухости» (58). Вызывает сомнение этимология слова *алыс* 'далекий', которое Ф. Г. Исхаков сопоставляет с глаголом *ал-* (214 и сл.). Убедительных доводов в пользу такой этимологии

автор не приводит. В этой же статье в качестве примеров «слов» (! — С. Ц.), образованных от «основы» *баланд* в узбекском языке, автор называет сочетания *баланд тоғ* 'высокая гора', *баланд текислик* 'возвышенность', *қаланд овоз блан* 'громогласный' (? ! — С. Ц.), 'громогласно', *баланд тоғ утлоқлари* 'высокогорные луга' и т. п. (225—226). Непонятно, что означает в статье А. А. Юлдашева выражение «инфинитивная форма повелительного наклонения на -ра» (295). Далее автор статьи утверждает, что в тюркских языках юго-западной группы, в частности азербайджанском, туркменском, турецком, нет глагола *сез-* (296). Достаточно, однако, взглянуть в словари этих языков, чтобы обнаружить там глагол *сез-* и образованные от него залоговые формы и отглагольные имена. Н. З. Гаджиева и А. А. Коклянова допускают правильность этимологии аффикса *-да*, согласно которой данный аффикс происходит из глагола *айла-/эйлэ-* (351). Во-первых, уместнее было бы говорить об аффиксе *-ла*, так как *-да* есть лишь фонетический вариант этого аффикса, а во-вторых, не исключена возможность, что сам глагол *айла-/эйлэ-* содержит в своем составе упомянутый аффикс. Утверждая, что словообразовательный аффикс *-ычы/-уңу* малопродуктивен, особенно для языков юго-западной группы, авторы допускают фактическую ошибку. В турецком языке этот аффикс вполне продуктивен. Навряд ли уместно заявление Н. З. Гаджиевой и А. А. Кокляновой (301), что корень *даны-* (*таны-/тану-*) «встречается во многих тюркских языках параллельно с другим корнем персидского происхождения — *دانا* 'знающий', 'мудрец' (лексические образования от него *دانشور* и *دانشمند* 'ученый', 'мудрый')». Для тюркских языков *dānā* не является «корнем», а *dānāšvār* и *dānāšmānd* — «лексическими образованиями от него». Все три слова заимствованы из персидского языка, где они объединены общим корнем *dān-*. Точно ту же ошибку допускают авторы, называя слова типа тур. *haberdar* и азерб. *xəbərdar* «лексическими образованиями, связанными с корнем *хабар*» (378). Вариантом глагола 'спрашивать' *сор-* является не *сур-* (387—387), а *сура-*. Инфинитив этого глагола в туркменском языке звучит не *соруу* (398), а *сорамаг*.

Недостаток места не позволяет нам привести другие многочисленные примеры фактических ошибок и неточностей.

Ценность сборника как источника для разного рода лексических справок сильно снижена также из-за множества неотмеченных опечаток, от которых оказался несвободен даже сам список опечаток. Отсутствие указателей к статьям (за исключением статьи А. М. Щербака) сильно затрудняет поиски нужного слова.

С. С. Цельникер